

9. Continuing Education. Course Catalog. URL: <https://www2.archivists.org/prof-education/continuing-education>. Дата доступа: 03.10.2019

УДК 94 (47). 084. 8

ВМЕСТО ДОМОВ – ПЕПЕЛИЩА: ТРАГЕДИЯ СМОЛЕНСКИХ ДЕРЕВЕНЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Т. И. Тарасенкова

Государственный архив новейшей истории Смоленской области, ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия; tata-tarasenkova@yandex.ru

Проанализированы документы, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области, о населенных пунктах Смоленской области, сожженных в годы Великой Отечественной войны. Статистические материалы выявлены в фонде Смоленского обкома КПСС. В них содержится информация о количестве сожженных деревень и причинах их сожжения, численности погибших жителей, о судьбе населенных пунктов после освобождения, об увековечивании памяти жертв войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941-1945 гг.; Смоленская область; сожженные деревни; партизанские соединения; увековечивание памяти.

INSTEAD OF HOUSES - ASHES: THE TRAGEDY OF SMOLENSK VILLAGES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

T. I. Tarasenkova

State archives of modern history of the Smolensk region, Lenin Street, 28, 214000, Russia; tata-tarasenkova@yandex.ru

Analyzes the documents stored in the State Archives of the recent history of the Smolensk region, about the settlements of the Smolensk region burned during the Great Patriotic war. Statistical materials were revealed in the fund of the Smolensk Regional Committee of the CPSU. They contain information on the number of villages burned and the reasons for their burning, the number of dead inhabitants, the fate of settlements after liberation, the perpetuation of the memory of the victims of the war.

Keywords: The Great Patriotic war of 1941-1945; Smolensk region; the burned villages; partisan formations; perpetuation of memory.

В годы Великой Отечественной войны Смоленская область была оккупирована немецко-фашистскими войсками. В захваченных районах гитлеровцы установили режим террора. Они сжигали деревни, расстреливали мирное население, подвергали патриотов самым жестоким пыткам.

Сбор информации о преступлениях и бесчинствах оккупантов начался во время Великой Отечественной войны. В начале августа 1942 г. Управление НКВД по Смоленской области, размещавшееся в г. Кондрово Калужской области, подготовило инструкцию о необходимости сбора, учета и хранения информации о совершенных злодеяниях [1, л. 28]. Командованию Красной Армии, партийным, советским и общественным организациям, учреждениям и предприятиям поручалось самостоятельно составлять акты, производить кино- и фотосъемки для дальнейшей передачи в архив [1, л. 28об].

В фонде Смоленского обкома КПСС сохранился Акт от 28 октября 1942 г. о зверствах над мирными жителями в Духовщинском районе области, составленный командованием и партизанами отряда «Буревестник» совместно с уполномоченными райкома ВКП(б) и райисполкома. В нем запечатлены факты сожжения двух деревень с жителями: «24 октября [1942 г.] отряд фашистов в 12 час[ов] дня ворвался в дер. Снорки Духовщинского района Смоленской области. Деревню в количестве 16 домов сожгли и население в количестве 70 человек женщин, детей и стариков закрыли в домах и живыми сожгли» [3, л. 63]. Людей, пытавшихся бежать, либо расстреливали, либо ловили и «бросали в огонь». Из всех жителей деревни смогли убежать и спастись только четверо. «В 16 часов дня 24 октября этот же отряд фашистских зверей ворвался в дер. Головицы Духовщинского района Смоленской области.

Собрали 86 человек женщин, детей и стариков. Закрыли в доме б[ывшей] МТС и зажгли» [3, л. 63об.]. Девять человек: женщин с детьми, пытавшихся бежать, расстреляли. Спаслись от расправы лишь шесть человек.

Секретарь Мещовского райкома ВКП(б) в марте 1943 г. направил в обком партии информацию об ущербе, причиненном району в период оккупации. В ней описаны факты сожжения деревень в Мещовском районе: «В д. Умиленка Шаловского с/с немцы подожгли деревню, 38 домов с имуществом и скотом сгорели. При попытке потушить пожар своей хаты был избит немцами старик 80 лет Симоненков Н. Б., после чего он умер. В с. Шалове немцы подожгли погреб, где находились жители. При попытке выбраться из огня у учительницы немцы выбили из рук ребенка, который сгорел. Сама Герасимова сильно обгорела, так что следы немецких злодеяний останутся уже навечно» [4, л. 31].

Описанный случай с учительницей руководство Мещовского района использовало в разъяснительной и агитационной работе, показывая жителям крайнюю жестокость оккупантов. «Мы ее свезли в колхозы, – сообщал заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии, – где она рассказала колхозникам о пережитом, как издевались немцы над колхозниками, детьми, над населением. Этот опыт мы использовали, и он себя оправдал» [4, л. 56].

В Медынском районе в агитационно-пропагандистских целях использовали факт спасения Виктора Федюнова, жителя деревни Варваровка. 16-летний подросток в момент расстрела всех жителей деревни притворился мертвым, это его и спасло. «Федюнов Виктор рассказывал [о произошедшем] школьникам, рабочим рембазы, где он работал последнее время, провел ряд индивидуальных бесед» [4, л. 57].

В докладных записках секретарей райкомов ВКП(б), освобожденных в 1942–1943 гг. районов, полученных Смоленским обкомом партии, констатировались факты разрушений и совершенных оккупантами злодеяний. Секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) в начале 1942 г. сообщал, что за три с половиной месяца оккупации в районе погибло от рук захватчиков 1119 человек. Сожжено домов колхозников и рабочих 5591, что составляет 73% домов в районе [1, л. 6–8].

Секретарь Темкинского райкома ВКП(б) в августе 1942 г. отмечал, что после освобождения 70 населенных пунктов района выяснилось: почти все они, за редким исключением, сожжены. В освобожденных деревнях жителей очень мало, по 2–3 семьи, или нет совсем [1, л. 30]. По данным секретаря Семлевского райкома ВКП(б), на момент освобождения района в марте 1943 г. более половины деревень сожжено: «деревни, где уцелело 50–70% жилья и холодных построек, насчитываются единицы» [2, л. 201].

Партизанка отряда имени 24-й годовщины РККА, действовавшего на территории Ельнинского района Смоленской области, З. Д. Коняжнина в воспоминаниях о жизни в партизанском отряде анализировала причины и называла поводы оккупантов для сожжения деревень. Если в деревне у кого-нибудь побывали партизаны, и об этом стало известно людям, сотрудничавшим с оккупантами, то в деревню приезжали немцы, выгоняли население на улицу, деревню сжигали, а хозяев дома, приютивших партизан, расстреливали. Поводом для расстрела становилось любое незначительное действие, считавшееся оккупационной властью опасным: поднять советскую листовку, отправиться из одной деревни в другую без разрешения, не выполнить распоряжение о сдаче продуктов или имущества, – все это являлось основанием для расправы [4, л. 18–21].

Информация о злодеяниях на оккупированных территориях имеется в материалах о деятельности партизанских формирований. В отчете о партийно-политической работе крупного партизанского соединения «13» с апреля 1942 г. по июнь 1944 г. приводятся факты жестоких расправ над населением белорусских деревень в первой половине 1944 г. «26.2.44 г. – французский легион, вышедший на борьбу с партизанами, зажег дом лесничего Марка Антоновича Сафончика 70 лет от роду, и бросили его вместе с женой старухой живыми в огонь (поселок Леспромхоз Эсьмонского с/с Бельничского-на)... В начале марта немцы сожгли д. Барсуки и 12 жителей, не успевших убежать в лес, расстреляли и сожгли. 2 и 3 марта 1944 г. немцы

сожгли Александрово, Роги, Подстружье, Точище, Межное и ряд других деревень Кричевского р-на. В октябре и ноябре 1943 г. немцы сожгли много деревень (Добужа, Бовки и др.), Пропойского р-на (Железинка, Лесная, Улуки). В ноябре 1943 г. немцы расстреляли и сожгли в Железинском болоте 1500 мирных жителей, прятавшихся в болоте от немецкой оккупации. Много сожженных трупов найдено в золе сгоревших домов деревень Добужа, Смолица» [6, л. 14].

Комиссар партизанского соединения «13» И. А. Стрелков писал в воспоминаниях, что жестокость французских легионеров превосходила жестокость немецких солдат. Он объяснял это тем, что после поражения на Орловско-Курской дуге немецкая тактика изменилась. В то же время французские легионеры, так же как и итальянские солдаты, «потеряли вкус к борьбе на фронте, они больше шли в полицейские, забрасывались как шпионы, высылались против партизан» [7, л. 42].

В 1985 г. Смоленский обком КПСС проделал большую работу по сбору информации о количестве деревень, сожженных на территории области в период оккупации, о численности жителей этих деревень, сожженных или расстрелянных. По запросу обкома районные и городские комитеты партии собирали информацию по нескольким направлениям. Определялось количество сожженных в районах деревень по трем группам: 1) сожженные полностью с жителями; 2) сожженные полностью без жителей или частично с жителями; 3) сожженные частично. Уточнялась численность местного населения, погибшего при сожжении деревень. Подсчитывалось количество восстановленных деревень, а также число тех населенных пунктов, которые больше не возродились. Одновременно рассматривались вопросы об увековечивании памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Анализируя собранную обкомом КПСС информацию, необходимо иметь в виду, что территория Смоленской области в 1985 г. была значительно меньше, чем в период оккупации. В феврале–марте 1985 г. обком получил данные от 24-х из 25-ти районов области, тогда как на момент освобождения области в 1943 г. в ее составе находилось еще 16 районов, переданных в 1944 г. во вновь образованные Калужскую и Великолуцкую области.

По материалам горкомов и райкомов КПСС в период оккупации сожжено полностью с жителями 52 населенных пункта в 13 районах области. Сожжено полностью без жителей или частично с жителями 855 деревень, сожжено частично 714 деревень. В Велижском, Монастырщинском и Шумячском районах сожженных деревень не было. В трех районах – Починковском, Темкинском и Дорогобужском – сожжено по одной деревне частично с жителями. В Хиславичском районе оккупанты сожгли одну деревню без жителей [5, л. 1–108].

Несмотря на отсутствие в некоторых районах сожженных деревень, причиненный им в годы войны ущерб был значительный. Руководство Монастырщинского райкома КПСС сообщало, что в период оккупации района немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками было расстреляно, замучено и сожжено 1842 мирных жителя, 489 человек угнаны в Германию. В населенных пунктах «сожжено и разрушено 1835 жилых домов, из них 1150 домов колхозников, 222 скотных двора, 11 мельниц, 218 конюшен, 110 колхозных бань, 67 клубов и Красных уголков, 30 школ. Оккупанты полностью уничтожили промышленные предприятия: льнозавод, винзавод, маслопром, райпромкомбинат, пищекомбинат, а также кооперативные предприятия» [5, л. 64].

Подсчитать точную численность погибшего мирного населения по имеющимся документам невозможно. Но даже частичные данные показывают масштабы трагедии, выпавшей на долю советских граждан. В 79 сожженных полностью или частично населенных пунктах, по которым имеются сведения, погибло 6727 человек. Известно, что мученической смертью в огне погиб 5101 человек, 1112 человек расстреляно. О 514 жителях указано, что они погибли, без дополнительного уточнения, каким образом.

В материалах семи районов имеются данные о времени сожжения деревень. В Ярцевском районе из 75 деревень время гибели указано в отношении 61 населенного пункта. Из них в период наступления немецко-фашистских захватчиков в 1941 г.

уничтожено 9 деревень. Во время оккупации района в 1942–1943 гг. сожжено 52 деревни. Большинство населенных пунктов погибло в 1943 г. – 44 деревни. Причины сожжения деревень различны. Из 61 населенного пункта в ходе боев было уничтожено 27. Остальные уничтожались по осознанному решению немецкого командования. За связь с партизанами сожжена 31 деревня, за невыполнение приказов немецкого командования – 1 деревня, за сокрытие продовольствия от солдат – 1 деревня, за укрывательство коммунистов – 1 деревня [5, л. 34–38]. В остальных шести районах информация о времени уничтожения населенных пунктов указана только в отношении деревень, сожженных полностью вместе с жителями. В Гагаринском и Угранском районах уничтожение населенных пунктов происходило в ходе отступления немецко-фашистских войск и освобождения районов войсками Красной Армии [5, л. 20, 100].

Угранский район был освобожден 18 марта 1943 г. А в ночь с 13 на 14 марта 1943 г. «немецко-фашистские мерзавцы при отступлении заживо сожгли 272 человека – жителей деревень Борьба, Ломанчено, Криволевка, Новая, Гришино. Только из деревни Борьба сгорело 70 человек. Немцы загнали в два крайних дома деревни Борьба 272 человека, закрыли, облили бензином и подожгли. В результате 270 человек сгорели дотла, двум удалось бежать» [5, л. 100].

Неизбежность утраты захваченных территорий озлобляла немецкое командование, поэтому жестокие расправы с населением становились актами мести за неисполненные планы по покорению советских земель. В Сафоновском, Глинковском, Демидовском и Духовщинском районах сожжения деревень происходили в разгар оккупации в 1942 – начале 1943 гг. [5, л. 30, 45, 48, 53]. Предположительно, основанием для расправ с местным населением становилась деятельность партизанских формирований и образование в 1942 г. партизанских краев на этих территориях. Противостояние партизан и немецких солдат, ликвидация партизанских краев, не всегда удачные попытки советского командования по ведению военных действий в соседних районах многократно усиливали жестокость захватчиков по отношению к мирным жителям и увеличивали размах творимых злодеяний.

В районах, расположенных западнее г. Смоленска, в частности, в Краснинском районе, имеется информация об уничтожении преимущественно еврейского населения [5, л. 60–62].

После освобождения Смоленской области от оккупации, сожженные деревни восстанавливались, пережившие тяжелые испытания жители возвращались в родные места. Из 891 населенного пункта, о котором имеются сведения, в послевоенные годы были восстановлены и продолжили свое существование 627 деревень, или около 70% [5, л. 1–108]. 264 деревни, или около 30%, так и не возродились. Восстанавливались, как правило, деревни, сожженные частично или полностью, но без жителей. Деревни, сожженные полностью с местным населением, восстанавливались редко.

Память об уничтоженных населенных пунктах, об их погибших жителях в послевоенное время увековечивалась в памятниках, обелисках, мемориальных досках с именами погибших. К 1985 г. в Смоленской области было установлено 49 памятных знаков. Материалы о трагических событиях Великой Отечественной войны собираются в музеях и экспонируются на выставках.

Сегодня сохранение памяти о драматичных страницах российской истории, о беспримерном подвиге солдат и партизан, о бесчеловечных страданиях мирных жителей, оказавшихся волею судьбы на оккупированных территориях, является еще более важным делом, чем в предыдущие годы. Сохраненная память может стать надежной гарантией для нашей страны от повторения подобных событий.

Библиографические ссылки:

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 941.
2. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 964.
3. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1055а.

4. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304.
5. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 65. Д. 133.
6. ГАНИСО. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 41а.
7. ГАНИСО. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 50.

СЕКЦЫЯ 7.

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ І АРХЕАЛАГІЧНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ

УДК 39 (476) «19/20»

БЕЛАРУСКАЯ ЭТНАЛОГІЯ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ ХХ – ПАЧАТКУ ХХІ СТ. АБ МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ

І. Г. Бачыла

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь; bochilka@yandex.ru*

У артыкуле даследуецца гісторыя вывучэння традыцыйнай матэрыяльнай культуры Заходняга Палесся айчыннай этналогіяй у другой палове ХХ – пачатку ХХІ ст. Аўтарам прааналізаваны і сістэматызаваны працы па праблеме, вызначана ступень яе вывучанасці.

Ключавыя словы: беларуская этналогія; гістарыяграфія; гістарычна-этнаграфічныя рэгіёны; матэрыяльная культура; Заходняе Палессе.

БЕЛОРУССКАЯ ЭТНОЛОГИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ – НАЧАЛА ХХІ В. О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ

И. Г. Бочило

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; bochilka@yandex.ru*

В статье исследуется история изучения традиционной материальной культуры Западного Полесья отечественной этнологией во второй половине ХХ – начале ХХІ в. Автором проанализированны и систематизированны работы по проблеме, определена степень её изученности.

Ключевые слова: белорусская этнология; историография; историко-этнографические регионы; материальная культура; Западное Полесье.

BELARUSIAN ETHNOLOGY OF TRADITIONAL MATERIAL CULTURE OF THE WESTERN POLESYE OF THE SECOND HALF OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURIES

I.G. Bachyla

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, bochilka@yandex.ru

The article is devoted to the history of the study of the traditional material culture of the Western Polesye by native ethnologists of 2nd half of XX – the beginning of XXI centuries. The author has analysed and systematized works concerning this problem. The degree of this investigation was characterized.

Key words: belarusian ethnology; historiography; historical and ethnographic regions; material culture; Western Polesie.

Як гістарычна-этнаграфічны рэгіён Заходняе Палессе заўсёды выклікала асаблівую і непадробна жывую цікавасць з боку спецыялістаў у галіне этналогіі. Пасля Вялікай Айчыннай вайны ўвага да яго не стала меншай. Наадварот, заходнепалескі матэрыял актыўна назапашваўся і апрацоўваўся ў сувязі з вывучэннем шырокага спектра тэм, у першую чаргу, матэрыяльнай культуры. Так, вядомай даследчыцай Л. А. Малчанавай паводле асаблівасцяў матэрыяльнай культуры і геаграфіі распаўсюджвання яе элементаў у межах нашай краіны былі вылучаныя тры вобласці [6, с. 32]. Адна з іх – паўднёва-заходняя, – амаль цалкам супадае з межамі